

Свои есть свои. Когда оказываешься в уездном городе, где у тебя ни одной родной души, даже те односельчане, с которыми дома едва здоровался, кажутся близкими родственниками.

На захудалом автобусе тряслись не они одни. Из всех окрестных деревень, подчинявшихся коммуне, ехали выпускники. Пусть от каждого класса набралось по несколько человек, но стоило всем разом собраться в один день к одному рейсу, как в салоне стало не протолкнуться. К тому же каждый тащил с собой узлы да чемоданы, которые занимали уйму места.

Кондуктору ничего не оставалось, кроме как велеть пассажирам закидывать поклажу на крышу. Там имелся самодельный железный багажник, сваренный из толстых металлических прутьев. Вещи свалили в кучу и намертво перевязали веревками. Забили до отказа и багажное отделение в хвосте машины — так в салоне стало хоть чуточку просторнее.

Гоудань с ребятами за всю жизнь на автобусе ни разу не ездили. Прежде они только провожали взглядами проносящиеся мимо машины и завидовали тем, кто сидит внутри. Теперь же, оказавшись на их месте, поняли: удовольствия в этом мало. Напротив, поездка обернулась чистым мучением.

И пускай большую часть вещей убрали наверх, некоторые пассажиры ухитрились протащить в салон свой товар. Внутри стоял невообразимый смрад. О том, чтобы присесть, не шло и речи — свободных мест просто не было.

— Пешком и то приятнее было бы, — проворчал Гоудань.

Он и представить себе не мог, что поездка окажется таким кошмаром.

Ребята держались кучкой, судорожно вцепившись во всё, за что можно было ухватиться, чтобы не полететь на пол при очередной дикой тряске или резком торможении. Время от времени мимо с ревом проносились груженные грузовики, и сквозь щели в рассохшихся оконных рамах в салон врывались тучи пыли. Деревенским к дорожной грязи не привыкать, никто и не жаловался. Хуже было другое: автобус так немилосердно громыхал, скрипел и качался на ухабах, что у пассажиров завтрак подступал к горлу.

Если в самом начале пути в салоне казалось относительно просторно, то постепенно, по мере того как на остановках подсаживались новые попутчики со своими баулами, давка стала невыносимой.

— Из нас тут всю душу вытрясут, — тихонько проворчал Цичжи.

Пассажиры стояли плотной стеной, буквально дыша друг другу в затылок. Водитель с кондуктором орали во всю глотку, требуя, чтобы люди продвигались вглубь салона и теснились

сильнее, ведь на дороге стояли те, кто тоже пытался уехать.

Под конец двери просто перестали закрываться — люди висели прямо на подножке. Раз закрыть нельзя, поехали с распахнутыми. И водителю, и кондуктору подобное было не в новинку. Они действовали по отработанной схеме: сколько бы народу ни стояло на обочине, всех нужно было утрамбовать внутрь. Люди не сахарные, не растают, потерпят. Да и куда деваться? Рейсов всего два в день. Не влезешь — топай пешком десятки ли. Сами транспортники тоже ждали таких дней весь год: по-настоящему заработать на билетах удавалось только в праздники или вот так, к началу учебного года.

И те, и другие давно привыкли к подобной дорожной толкотне. Самое большее — кто-то кому-то наступит на ногу, обругают друг друга сгоряча, да и замолкнут. Драться в такой тесноте никто бы не решился: для этого просто не было места. Пассажиры стояли, прижав локти к бокам ради экономии пространства. Тут если у кого спина чесалась — и то руку не протянуть, какой уж там махать кулаками?

Пыхтя густым черным дымом, дряхлый автобус медленно полз вперед, точно старый немощный вол, тащивший на себе плотную массу изнывающих от духоты людей к уездному городу.

Первая в жизни поездка на машине оказалась сущим кошмаром. Ван Сюань смертельно побледнел. Если бы он не сдерживался изо всех сил, его бы вывернуло наизнанку прямо посреди салона. Парень слишком идеализировал этот транспорт, не предполагая ни безумной давки, ни того, что его банально укачает. От бесконечной тряски и грохота его хрупкое тело зажало со всех сторон, словно лист бумаги в тисках, а подступающую тошноту подогревала удушливая смесь чужих запахов.

— Гоудань-гэ, мне... мне так плохо... Сейчас вырвет... — простонал Ван Сюань, зажимая рот ладонью.

Гоудань с трудом повернул голову и, увидев его землистый цвет лица, испугался. Извернувшись, он высвободил руку и похлопал по плечу стоявшего рядом мужчину.

— Пропустите, пожалуйста!

— Чего надо? — огрызнулся тот.

В такой духоте и тесноте у всех сдавали нервы, а тут еще какой-то малец лезет.

— Дорогу! — воскликнул Гоудань. — Парня сейчас стошнит!

Стоящие рядом мигом переменились в лице. Только рвоты посреди этой душегубки не хватало! Стоит одному начать, как половину автобуса по цепочке вывернет.

Глядя на то, как Ван Сюань судорожно зажимает рот обеими руками, люди принялись испуганно уклоняться в стороны, прижимаясь друг к другу, лишь бы поскорее протиснуть бедолагу к окну. Ругаться никто не смел — все панически боялись, что парень не выдержит и окатит их с головы до ног. Да и толку злиться на больного ребенка? Его же силой не остановишь.

Гоудань бесцеремонно отодвинул какого-то мужика, преграждавшего путь. Тот покачнулся и едва не завалился на соседей — благо давка была такой, что упасть на пол было физически невозможно. Мужчина уже открыл было рот, чтобы обложить наглеца трехэтажным матом, но тут Ван Сюань наконец высунулся в окно, и его с громким хрипом шумно вырвало. Сквернослов моментально прикусил язык. Без всяких толчков он сам испуганно отпрянул назад, впечатываясь в толпу, лишь бы на одежду не попали брызги.

К великому счастью, ребята стояли у самого хвоста автобуса, возле последнего окна. Окажись они впереди или посередине салона, встречный ветер разнес бы всю эту летящую струю по окнам сзади, и тогда тем пассажирам, что неосторожно высунули головы глотнуть свежего воздуха, пришлось бы несладко...

Вонь в салоне и без того стояла жуткая, но к ней худо-бедно привыкли. А вот звуки рвоты вытерпеть было выше человеческих сил. Те, у кого желудки до этого момента еще держались, почувствовали, как к горлу подкатывает горячий ком. Несколько человек рванулись к другим окнам. Те же пассажиры, кто стоял дальше по ходу движения, испуганно отшатнулись от оконных проемов, боясь поймать лицом капли, принесенные сквозняком.

Кое-какие окна были сломаны и не закрывались, так что несчастным попутчикам оставалось лишь обреченно утирать лицо от мелкой водянистой взвеси, летевшей с ветром снаружи. Никто из них не решался задуматься о природе этих брызг, иначе их тут же вывернуло бы наизнанку. Хотя все прекрасно понимали, что именно на них оседает...

Автобус продолжал свой путь, то подбирая голосующих у дороги крестьян, то высаживая редких пассажиров. Благодаря своему недугу Ван Сюань так и остался стоять у открытого окна. Гоудань загородил его спиной, и никто не рискнул высказать недовольство. Так они и доехали до самого автовокзала уездного города, ловя скудные струи свежего воздуха.

Когда водитель наконец объявил конечную, по салону пронесся дружный вздох облегчения. Люди спешили наружу так, словно спасались из горящего дома.

Стоило дверям открыться, как толпа хлынула на волю. Кое-кто из пассажиров тут же кинулся к ближайшим придорожным тополям и согнулся пополам, заходясь в судорожной рвоте. Остальные брезгливо зажимали носы и спешили поскорее убраться подальше от злополучного автобуса.

Закаленным крестьянским мужикам вроде Ли Сы раскисать было некогда: нужно было ловить вещи. Кондуктор уже влез на крышу и один за другим развязывал и швырял вниз узлы да чемоданы. Отцам приходилось на лету ловить свою поклажу. Хоть им тоже досталось за дорогу,

но многолетняя привычка к тяжелому крестьянскому труду сделала их нечувствительными к дорожным невзгодам — никакая вонь не могла пошатнуть их крепкие желудки.

— Полегчало хоть немного? — Гоудань протянул Ван Сюаню алюминиевую фляжку.

Пить тот не стал, только прополоскал рот и сплюнул мутную воду на землю.

Неподалеку бухгалтер Чэнь пристраивал узлы на коромысло и во весь голос кричал своей дочке, спрашивая о её здоровье. Как оказалось, Чэнь Цинцзюань страдала от той же напасти, что и Ван Сюань. Разница была лишь в том, что девочка крепилась всю дорогу и со всех ног бросилась к обочине только после того, как автобус замер на месте.

— Эх вы, изнеженное поколение! — добродушно пожурил детей бухгалтер Чэнь. — Знали бы вы, как в наше время добираться приходилось. Радоваться надо, что колеса есть!

В молодости Чэнь служил в армии, обучился грамоте и счету, а после демобилизации вернулся в родные края и устроился в бригаду счетоводом.

Собравшись вместе, сельчане заметили вокруг немало таких же нагруженных поклажей семейств с подростками. Стало ясно, что все они держат путь в уездную среднюю школу. С некоторыми попутчиками они даже были знакомы — в дорожной сутолоке разглядеть лица не удалось, но теперь выяснилось, что это их соседи по коммуне из других бригад.

Обменявшись приветствиями и парой дежурных расспросов, люди заговорили о главном: как отыскать уездную среднюю школу? Часть крестьян выбралась в город впервые и лишь растерянно мотала головами, другие указывали куда-то неопределенно. Гоудань здраво рассудил: с такой оравой людей и тяжелыми баулами плутать по улицам — чистое безумие.

Он шустро метнулся к привокзальному ларьку и подробно расспросил продавщицу. Запомнив, где нужно повернуть, а где пройти прямо, Гоудань прибежал обратно к растерянным взрослым и выложил им готовый маршрут.

Мужики лишь смущенно заулыбались и принялись чесать затылки.

— Надо же, старые дураки, — покачал головой один из отцов. — Сами не догадались спросить! У молодежи-то котелок быстрее варит.

Дело было вовсе не в глупости. Простые деревенские жители робели перед горожанами, боялись заговорить первыми, ожидая пренебрежения или грубости. Они забывали, что и в уезде живут обычные люди: кто-то встретит тебя равнодушно, а кто-то с радостью подскажет дорогу.

Шумная вереница навьюченных тюками людей потянулась в сторону школы. По пути Ли Сы то

и дело негромко наставлял сына, веля запоминать приметные дома и перекрестки: мол, заплутаешь — как потом дорогу домой найдешь? Услышав это, Гоудань невольно ухмыльнулся, вспомнив их первый приезд в уездный город. Тогда они прихватили с собой собак, Дагуай и Сяогуай, наивно надеясь, что псы запомнят дорогу по запаху и выведут их обратно.

Гоудань расплылся в улыбке и кивнул отцу.

— Не переживай, батя. Ты лучше за Дагуай и Сяогуай дома приглядывай. Особого ухода они не требуют, главное — корми вовремя. Они и сами мышей отлично ловят. Если найдешь во дворе дохлую крысу, белку или дикого фазана — знай, это их добыча. Когда готовить будешь, потроха да головы им оставляй, они это любят.

Обе собаки были на редкость толковыми охотниками. Раньше, когда они с Ван Сюанем хозяйничали в доме, псы частенько приносили лесную дичь. Мелкую добычу или ту, что была сильно потрёпана зубами, мальчишки скармливали охотникам. А если попадался жирный зверь покрупнее, тушку свежевали для себя, отдавая верным помощникам лишь требуху, головы да кости.

Ли Сы, который с утра до ночи гнул спину в поле, о подобных тонкостях даже не догадывался — ребята всегда сами тихо улаживали эти дела. Выслушав сына, отец неподдельно удивился: надо же, дворовые шавки, а пользу приносят не меньше заправских гончих! Коли они такие добытки, то кормить их — одно удовольствие. Заслужили. Мужчина довольно хмыкнул и охотно пообещал присматривать за питомцами.

Наконец перед ними выросли раскидистые ворота уездной средней школы, украшенные крупной вывеской. Судя по толчее у входа, они прибыли по адресу. Отцы пошли расспрашивать прохожих о порядке заселения, а ребяташки послушно плелись следом, задрав головы и с восхищением разглядывая монументальную каменную арку. Куда уж там их старой начальной школе — паре покосившихся глинобитных мазанок под соломенной крышей! Разница казалась невероятной.

— Смотрите, кирпичные корпуса! — послышался чей-то восторженный шепот. — Неужели мы будем учиться прямо там?

Придерживая за плечо всё еще бледного и вялого Ван Сюаня, Гоудань повёл односельчан через просторный школьный двор. Приемная кампания была организована толково: учителя вытащили столы прямо на улицу перед учебными корпусами, прикрепив к краям деревянных столешниц листки с номерами классов. Каждому прибывшему следовало отыскать классного руководителя, указанного в направлении. Однако уездная средняя школа принимала ребят со всех окрестных волостей и деревень. Потоки вчерашних школьников сливались в одну сплошную гудящую массу, перед столами выстраивались длинные очереди, и во дворе царила легкая неразбериха.

К счастью, Гоудань еще у главных ворот приметил нарисованную на стене схему корпусов, благодаря чему без труда сориентировался, куда им двигаться дальше.

— Мы с Ван Сюанем попали в первый класс, — объявил он, сверившись с бумагами. — А вы в каких?

Мальчишки наперебой зачитали свои направления. Выяснилось, что Цичжи и Дафу зачислили во второй класс, а вот Гоудань, Ван Сюань и счетоводская дочка Чэнь Цинцзюань оказались одноклассниками. Подобное распределение всех несказанно обрадовало. Конечно, Цичжи немного расстроился, что не будет сидеть за одной партой с Гоуданем, но всё же оставаться вдвоем с верным другом детства было куда спокойнее, чем оказаться среди чужаков.

Бухгалтер Чэнь просиял.

— Вот и славно! Гоудань, Ван Сюань, вы уж приглядывайте за моей Сяоцзюань. Девчонка она тихая, робкая, я места себе не находил, думал, обижать её в городе станут.

— Не беспокойтесь, дядя Чэнь, — твердо ответил Гоудань. — Своих в обиду не дадим. Кто посмеет тронуть девчонку из деревни Сикань, пускай сначала со мной потолкует.

Бухгалтер Чэнь довольно усмехнулся. Он знал Гоуданя с пеленок. Будучи человеком, повидавшим жизнь за пределами их глухомани, Чэнь никогда не разделял предрассудков односельчан, недолюбливавших этого шептунного парня. Напротив, счетовод искренне им восхищался: крестьянским детям только с такой хваткой и пробиваться в люди. С подобным характером Гоудань нигде не пропадет и кусок хлеба всегда добудет.

<http://bllate.org/book/19654/1996732>